

**ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический»
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»**



IV СВЯТО-ВЛАДИМИРСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы Всероссийской научной конференции,
посвященной 1035-летию Крещения Руси**

Севастополь, 4-8 сентября 2023 г.



Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2023

**Утверждено к печати Ученым Советом
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»**

Редакторы-составители:

В. В. Майко (Институт археологии Крыма РАН)
Э. А. Хайрединова (Институт археологии Крыма РАН)
Т. Ю. Яшаева (Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический»)

Рецензенты:

Доктор исторических наук А. В. Мастыкова
Доктор исторических наук В. П. Степаненко

С25 **IV Свято-Владимирские чтения:** Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 1035-летию Крещения Руси / Ред. – сост. В. В. Майко, Э. А. Хайрединова, Т. Ю. Яшаева. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. – 184 с.
ISBN 978-5-90742-49-9

В сборнике публикуются материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 1035-летию Крещения Руси, проходившей в сентябре 2023 г. в Государственном историко-археологическом музее-заповеднике «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия). Представлены результаты новейших исследований археологов, историков, искусствоведов из научных центров России.

**УДК 904(477.75)
ББК 63.3(0)41**

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. И. Айбабин</i> Укрепления ранневизантийской крепости на плато Эски-Кермен	6
<i>Ю. А. Артамонов</i> Внутримонастырские конфликты и возможности их преодоления (на материале ранней истории Киево-Печерского монастыря)	14
<i>А. А. Букатов</i> К вопросу современной реконструкции юго-восточного участка оборонительной линии Херсонеса	19
<i>М. Н. Бутырский</i> Два памятника ранневизантийского искусства из собрания Музея христианской культуры (Санкт-Петербург)	22
<i>О. А. Грива</i> Церковная археология в Крыму как научная дисциплина и учебный предмет	27
<i>Л. О. Гриненко</i> Храм Семи священномучеников херсонесских. Исторические подробности	31
<i>А. А. Евдокимова</i> Системы акцентуации в греческих надписях на фресках и в литургических рукописях. Проблемы цитирования в Византии	36
<i>Н. В. Жилина</i> Стиль «золотой середины» в христианском искусстве Руси в середине XII в.	39
<i>А. Н. Журов</i> Взаимодействие РПЦ и МВД России: история и современность	46
<i>И. А. Завадская</i> О так называемом надвратном храме на Эски-Кермене	49
<i>А. Д. Карнаушенко, Э. Н. Карнаушенко, Л. К. Казеннова</i> Вариант 3D-реконструкции Базилики Крузе с литургической планировкой	54
<i>В. П. Кирилко</i> Неординарные храмы южнобережного Крыма	59
<i>К. С. Кирпилёв</i> Сравнительный анализ малых однонефных храмов Херсона и южнобережной Таврики X-XV вв.	65

<i>Д. В. Конкин</i> К вопросу о начале целевого государственного финансирования мероприятий по охране крымских памятников старинны в Российской империи.....	68
<i>А. М. Лидов</i> Священная материя. Воскомастичные иконы в Византии и на Руси.....	71
<i>А. Ю. Лобода</i> Пуговицы из плитовой могилы 9/2021 на плато Эски-Кермен.....	81
<i>В. В. Майко</i> Матрицы для тиснения на кожаных монашеских одеяниях из Восточного Крыма.....	86
<i>Ю. М. Могаричев, А. С. Ергина</i> К вопросу о «крымской школе» средневековой живописи.....	91
<i>Д. А. Моисеев</i> Спаситель в доспехах: изображения Всадника в Юго-Западном Крыму в XI – XV вв.....	95
<i>Л. Ю. Пономарев</i> Случайные находки предметов христианского культа византийского периода из Керчи и ее окрестностей.....	99
<i>В. Н. Прокопенков</i> К вопросу о месте нахождения Херсонесского колокола до Крымской войны.....	104
<i>Т. А. Прохорова</i> Херсонесско-Корсунский музей-заповедник: нереализованный проект или важный этап к созданию Херсонесского заповедника?.....	118
<i>А. А. Роменский</i> Кто был «апостолом Руси»? Конкуренция литературных традиций.....	123
<i>В. А. Сидоренко</i> Херсонская епархия и Херсон в 1368–1382 гг.....	127
<i>С. В. Ушаков</i> Храм с ковчегом (№ 19) в Херсонесе: о времени его строительства (краткий историографический обзор).....	135
<i>С. Б. Филимонов</i> Кто он, безымянный «поп» из эпопеи И. С. Шмелева «Солнце мертвых»?.....	141
<i>Э. А. Хайрединова</i> Престол «Северного» храма на плато Эски-Кермен.....	147

<i>Э. А. Хайрединова, А. В. Антипенко, Т. Ю. Яшаева</i> Литейная форма для изготовления крестов из Херсона.....	153
<i>Е. А. Хвальков</i> Православное население генуэзских колоний в Крыму (XIII – XV вв.).....	158
<i>Л. Г. Хрушкова</i> Константинополь в XVII в. в трудах Шарля Дюканжа.....	162
<i>В. Н. Чхаидзе, И. А. Дружинина, А. В. Рассказова</i> Комплексные исследования у Северного Зеленчукского храма (X–XII вв.): результаты 2022 г.	164
<i>Д. А. Шалыга</i> Многострочная надпись на карнизе из Мангупской базилики.....	170
<i>А. В. Шаманаев</i> Обсуждение проблем сохранения церковных древностей на XV Всероссийском археологическом съезде (Новгород, 1911 г.).....	171
<i>К. Д. Шульман</i> Наследие Халкидона: монофизиты, монофелиты и диафизиты в крымской ссылке.....	175
<i>В. Ю. Юрочкин</i> Христианские древности в исследованиях крымских археологов в 1948-1953 гг.....	180
<i>Список сокращений</i>	183

включая мусульманские, от разрушений, в это же время сумел пролоббировать выделение целевых средств на «поправление мечети в Козлове и ханских гробниц в Бахчисарае» из т.н. «татарского сбора» (введенный в 1829 г. ежегодный обязательный налог в размере 1 руб. 50 коп., которым облагались исключительно крымские татары). В общей сложности на эти цели в течение 1829-1834 гг. было потрачено более 40 000 руб. [РГИА, ф. 1152, оп. 2, 1830 г., д. 24, л. 2; РГИА, ф. 1152, оп. 2, 1832 г., д. 33, л. 1об., 2].

Следует обратить внимание, что и в смете Паскаля, и в перечне Нарышкина отсутствовал, казалось бы, очевидный «памятник старины» – дворец бывших ханов в Бахчисарае. Можно предположить, что вызвано это было не сомнением в его исторической ценности, а тем, что параллельно и даже несколько ранее начала целенаправленных государственных мероприятий по выявлению подобных памятников с целью их сохранения, такие работы во дворце уже были инициированы. Начиная с 1821 г. в Бахчисарае происходила масштабная перестройка ханского дворца, которая включала в себя и работы по реставрации ханских мавзолеев. Работы были завершены к 1831 г. В смете расходов татарского сбора за 1832 г. в связи с этим было предусмотрено выделение 307 руб. 38 коп. «на окончательную расплату за перестройки в Бахчисарайском дворце» [РГИА, ф. 1152, оп. 2, 1832 г., д. 33, л. 6]. Всего же на ремонт дворца за это время была израсходована огромная сумма в 188 188 руб. 99 ½ коп. [Маркевич, 1895, с. 175].

Таким образом, к началу 20-х гг. XIX в. можно отнести первые попытки целевого государственного финансирования, направленного на поддержание памятников древности в Крыму. Результаты подобных ассигнований далеко не в полной мере соответствовали изначальному замыслу, что можно объяснить отсутствием квалифицированной практики в чиновничьей среде для исполнения поставленной задачи. Проблема, которая являлась характерной для всего Российского государства в рассматриваемый период, когда только начинали разрабатываться общие принципы, критерии и подходы, направленные на сохранение памятников старины.

Библиография

- Маркевич А. И. К истории ханского Бахчисарайского дворца // ИТУАК. 1895. № 23. С. 130–176.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. (ПСЗРИ-1). СПб, 1830. Т. 38.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. (ПСЗРИ-2). СПб., 1830. Т. 1.
- Стивен А. Дела архива Таврического Губернского Правления, относящиеся до розыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУАК. 1891. № 13. С. 33–54.
- Тизенгаузен В. Г. О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности, и об издании описания и рисунков оных // ЗООИД. 1872. № 8. С. 363–403.
- Тункина И. В. Академическая археологическая экспедиция в Новороссийский край 1821 г. под руководством академика Е. Е. Кёлера (новые архивные материалы) // ВДИ. 2013. № 1. С. 197–214.
- Шаманаев А. В., Зырянова С. Ю. Охрана культурного наследия в Российской империи: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 132 с.

А. М. Лидов

Институт мировой культуры МГУ (Москва, Россия)

Священная материя. Воскомастичные иконы в Византии и на Руси

В настоящем сообщении речь пойдет о специальной византийской традиции создания священной материи, из которой изготавливались некоторые чудотворные иконы. В фокусе внимания византийские иконы в форме воскомастичных рельефов. Эта технология позволяла включать в материал иконы частицы мощей и реликвий, превращая икону в своего рода реликвию, сама материя которой была по определению чудотворной. Всего несколько примеров дошли до наших дней. Самый красноречивый из них – греческая икона Богородицы Влахернской, сейчас хранящаяся в Третьяковской галерее и остающаяся практически неизвестной в научном мире. Однако до обсуждения этого уникального памятника необходимо сделать несколько предварительных замечаний о взаимодействии икон и реликвий в Византии и их роли в создании сакрального пространства и священной материи в широком смысле слова.

Чудотворная икона воспринималась как священная реликвия, по божественному промыслу получившая благодать Св. Духа и тем самым избранная для совершения чудотворений. Хотя потенциально любая икона может начать творить чудеса, средневековый мир ясно различал иконы-реликвии в ряду иных священных изображений. Принципиальная многослойность, сознательная «недокументальность», на наш взгляд, является одной из основных особенностей темы реликвий в восточнохристианской иконографии. Она контрастировала с конкретностью восприятия самой реликвии, доступной не только для созерцания, но и для целования. Иконография создавала пространственно-символический и исторический контекст в мистическом переживании реликвий. Однако при этом восточнохристианская традиция заинтересовано представляла действия с реликвиями, всегда стремилась сочетать священный предмет и его образ, который вносил в восприятие реликвии необходимое пространственно-символическое, «иконное» измерение. Ярчайшим примером такого сочетания являлись иконы с мощами, соединявшие раскрытую к небесному прототипу икону и явленную в мир чудотворящую материя.

Огромную роль играли реликвии во внутреннем пространстве восточнохристианского храма, которое может быть осмыслено как монументальный реликварий. С ранневизантийской эпохи алтарный престол каждой церкви истолковывался как образ Гроба Господня. Евхаристические дары на этом символическом реликварии в каждой литургии являли принесшего себя в жертву Христа. Самая суть православного богослужения и сердцевина любого храмового пространства были связаны с мистическим поклонением первореликвиям христианства – Телу Христову и Гробу Господню. На престоле православного храма, как важнейшей реликварий, стоит артофория (дароносица) с преждеосвященными святыми дарами, символизирующая Христа во гробе. Примечательно, что частицы освященного евхаристического хлеба могли почитаться как реликвии и в этом качестве

носиться в нагрудных реликвариях. Как известно, на алтарном престоле находится и воздвизальный крест, в средокрестье которого с древнейших времен стремились поместить частичку Истинного Креста, иногда дополненную разнообразными мощами святых. Крест-мощевик не только напоминал о Древе Распятия и Искупительной жертве на Голгофе, но и подчеркивал смысл Престола как реликвария.

В этой связи знаменательно, что, согласно древнему церковному правилу, окончательно утвержденному на VII Вселенском соборе (787), в основании престола любого храма или в лежащем на нем антиминсе должны находиться реальные святые мощи. Мощи в основание престола помещались в особом ковчеге, который литургические толкования сравнивают с Кивотом Завета, где находились скрижали завета, стамна с манной и жезл Аарона (Чис. 10:33; Евр. 9:4). Алтарь каждой православной церкви воспринимался как образ Скинии и Ветхозаветного святилища. Престол с мощами возводили к древнейшему первореликвию. Интересно, что в Софии Константинопольской скрижали Моисея и Киот с манной почитали как реально существующие реликвии.

Образ храма-реликвария не ограничивался престолом, многие святые были представлены для поклонения внутри церкви. В этом смысле храмы византийской столицы были образцами для подражания, которые пытались воспроизвести в главных соборах Руси, когда это позволяло имеющееся собрание святых. Характерно, что само тело храма, его архитектурно-материальную часть стремились насытить мощами. Самые подробные сведения мы имеем о Софии Константинопольской. В Сказании о создании Св. Софии (IX в.) говорится, что при возведении купола *«между двенадцатью блоками священники творили молитву о благосостоянии Церкви; и в каждом двенадцатом блоке строители делали отверстие и вкладывали туда частицы почитаемых и святых мощей различных святых, пока не завершили строительство купола»*. В одной из версий Сказания добавляется, что мощи были положены в столпы, арки и большие колонны, то есть во все конструктивно важные части здания. Это подтверждают многие паломники, начиная с XI в.: *«Весь храм Святой Софии наполнен священными мощами святых, ведь в каждой колонне, вверху внизу и по периметру храма, есть в капителях чтимые мощи святых. Также и в кровле, в алтаре и в стенах»*. Письменные свидетельства хорошо согласуются с данными археологии. В мраморной облицовке Святой Софии было найдено большое число вмонтированных крестов, отмечавших места заложения святых мощей и предназначавшихся для целования и поклонения паломников.

Традиция создания храмов-мощевиков не была исключительно константинопольской прерогативой. О появлении этой византийской традиции на Руси XI века красноречиво сообщает Киево-Печерский Патерик, рассказывающий о строительстве Успенского собора этого старейшего русского монастыря: *«Также и от грек иконе пришедши с мастера, и мощи святых мученик подо всеми стенами положена быша, идеже и сами написаны суть над мощми по стенам»*. Реликвии, вложенные в стены, воспринимались как истинные укрепления храмов, невидимая, но действенная защита – они были мистически связаны с сонмом святых, охранявших границу Небесного града Иерусалима, земным воплощением которого был каждый христианский

храм. В идеальном восточнохристианском замысле реликвии должны были преобразить плоть храма, реальная материя буквально наполнялась святостью, что дополнительно подтверждалось присутствием на стене иконного образа. Все пространство храма, пронизанное божественными энергиями, становилось мистически бесплотной средой, единой чудотворной реликвией-иконой.

Именно такое понимание храма мы находим в византийских литургических толкованиях, согласно которым все пространство может быть осмыслено как совокупность реликвий Святой Земли. Апсида становится пещерой Рождества, киворий над алтарем – горой Голгофой, алтарная преграда – границей ветхозаветного Святой Святых и одновременно образом решетки у иерусалимского Гроба Господня, амвон – камнем у входа в пещеру погребения, с которого ангел возвестил о воскресении Христа. Абсолютное отождествление реликвии и храма обосновывалось и византийским богословием. Св. Иоанн Дамаскин в VIII в., перед лицом иконоборческой угрозы, обобщил святоотеческое предание о мощах. Краеугольным тезисом явилось понимание реликвий как *«одушевленных храмов Божьих»*, поскольку в них, подобно церкви, постоянно пребывает Святой Дух (Точное изложение православной веры, XV/88). Можно вспомнить и о православном обряде освящения храма, около 1400 г. описанного Симеоном Солунским (Разговор о священнодействиях, гл.85). Богослужение начинается с торжественного переноса мощей из другого храма и расположении их на новом алтаре, знаменуя установление мистической связи храмов Божьих через мощи святых. Примечательно, что в этом обряде мощи как святые дары полагаются на дискос, который архиерей несет на голове. В описываемой символической среде конкретная реликвия никогда не была внешне привнесенным дополнением, но всегда – конституирующей основой.

Внутри храма, как важнейшие ориентиры, существовали устойчивые комплексы реликвий. Речь идет о своеобразных архетипах или структурах, моделях организации, сакрального пространства. Увиденные таким образом храмы – это не стены и даже не явленная на них иконографическая программа, но действующие, в смысле чудотворящие, средоточия реликвий и особо почитаемых иконных образов. Пространство главных храмов, например, Святой Софии, включало целый ряд подобных комплексов, достаточно автономных и одновременно взаимосвязанных в одной структуре. Это и пространство главного алтаря, и зона императорского входа, и скевофилакион, и юго-восточный компартимент храма около Колодца самаритянки, и специально выгороженное место явления Богоматери, а также многое другое. Сакральные пространства организовывались при помощи реликвий, икон, архитектурных устройств, специфической храмовой декорации, конкретных, ориентированных именно на этот комплекс, литургических чинопоследований, включая специальные виды песнопений, каждений и световозжиганий. Создание подобных пространств было вполне осознанной программой, частью исторически конкретного и одновременно видоизменявшегося во времени замысла. Первоначальная модель-матрица могла быть дополнена или изменена в другую историческую эпоху, она актуализировалась в определенный момент суточного богослужения и литургического года. Для внешнего мира подобные

пространства, несомненно, являлись архетипическими образцами, своего рода высшими прообразами-иконами.

Малоизвестная икона Богоматери Влахернской в Третьяковской галерее датируется в научной литературе с VII по XVII век. Она представляет собой воскомастичный рельеф (46 × 37,6 см). Согласно преданию, она была послана царю Алексею Михайловичу в 1653 г. из Константинополя как особый дар протосинкелла Гавриила, представителя Иерусалимского патриарха в городе¹⁰. Она была среди многих святых реликвий и почитаемых икон, пришедших в эту эпоху с Христианского Востока. Поствизантийские монастыри старались послать наиболее священные для них реликвии и иконы, не только желая получить щедрую милостыню, но также спасти святыни в Москве как новой столице православного мира, снискавшей репутацию «Третьего Рима».

Известны четыре свидетельства о посылке Влахернской иконы в Москву. Самое важное из них – это грамота Паисия, Патриарха Константинопольского, присланная вместе с иконой и подписанная еще семнадцатью высшими клириками Константинопольского патриархата, включая пятерых епископов¹¹. Грамота утверждает, что присланная икона является тем самым прославленным чудотворным образом, который издревле почитался в храме Богоматери Влахернской. Утверждается, что именно этот образ спас византийскую столицу во время персидской осады в правление императора Ираклия и Патриарха Сергия в начале VII в. Согласно грамоте икона происходит из Влахернской церкви, она была спрятана в стене монастыря Пантократора после захвата города турками в 1453 г., позже найдена и приобретена протосинкеллом Гавриилом. История получила подтверждение самого Гавриила в письме царю, в котором он благодарит за посылку ему двухсот рублей, которые он получил как благодарность за икону.

Важные подробности были добавлены Димитрием Остафьевым, греческим купцом, который привез икону в Москву и дал показания о святыне в Посольском приказе. Грамота Константинопольского Патриарха содержит важнейшую информацию о священной технологии изготовления Влахернской иконы, которая была сделана «смешением святых мощей разных святых и особых запахов» [Многоценное сокровище, 2005, с. 12–16]. Другое яркое свидетельство находим у Павла Алеппского, который видел икону в Иерусалимском метохии в Константинополе незадолго до того, как икону увезли в Россию: «Краски не касались ее. Мастичный образ кажется ожившей плотью, и части тела зримо выступают за пределы доски» [Путешествие антиохийского патриарха Макария..., 1898, с. 11].

Свидетельства письменных источников нашли подтверждение в технологическом исследовании Влахернской иконы, которое началось в Третьяковской галерее в 1987 году. Оно показало, что икона, сделанная из

¹⁰ Детальное исследование иконы см.: [Сидоренко, 2003]. Документы по присылке Влахернской иконы были выявлены и проанализированы Б. Л. Фонкичем: [Фонкич, 2001, с. 83–89]. Все письменные свидетельства проанализированы в статье: [Ченцова, 2007]. Заметим, что из ряда икон, связываемых с этой традицией, только икона из Третьяковской галерее была сделана из воска и мастики.

¹¹ Грамота опубликована: [Фонкич, 2003, с. 72–79].

воскомастичной пасты, прикреплена к деревянной доске (замененной в начале XIX века). Воскомастичная часть содержит разнообразные вкрапления: минералы, частицы металла, дерева и тканей, но кроме того и пахучие вещества – под светом сильной лампы икона начинает источать ароматы. Рельеф состоит из двух слоев, нижний в полсантиметра и верхний в полтора. Однако самая интересная деталь, выявленная в этом технологическом исследовании, это кусочек ткани, найденной между двумя слоями в поврежденной нижней части рельефа [Сидоренко, 2003, с. 70–72]. Это фрагмент черной шерстяной ткани. У ткани нет никакого практического смысла, но она была намеренно положена между двумя слоями, возможно, специально сделанными для хранения этого кусочка ткани. Ткань кажется древней, и некоторые исследователи отмечают ее сходство с коптскими образцами. Существует гипотеза, что кусочек ткани представляет собой реликвию огромного значения. Исторический контекст указывает на Влахернскую церковь и ее главную реликвию – Ризу Богородицы¹², которая почиталась в этом храме с V века. Согласно преданию, речь идет о Ризе, которая вместе чудотворной иконой Богоматери, спасала византийскую столицу во время вражеских осад. Хотя речь идет о гипотезе, она не кажется невероятной в контексте наших знаний о византийской иконе, присланной из Константинополя.

Заметим, что стиль и форма воскомастичного рельефа не имеет прямых аналогий византийского и русского искусства любого периода. Однако форма мафория Богоматери, черты лица напоминают ранневизантийские энкаустические образы и даже фаюмские портреты. Таким образом, в контексте имеющихся исторических, технологических и стилистических данных древнее происхождение иконы кажется вполне вероятным, хотя нельзя исключить возможность, что воскомастичный рельеф был сделан в неизвестное время до 1653 г. Кроме того, мы знаем, что технология воскомастичных изображений была известна еще древним римлянам и использовалась в распространенной практике вотивных даров [Hughes, 2017].

Согласно традиции, иконы «сделанные из воска и красок» изготавливались самим Евангелистом Лукой [Tognazzi, 1986, p. 218, 250]. Одна из таких икон известна в монастыре Дионисиу на Афоне. Это маленькая икона Богоматери с младенцем (31 × 27 см) из воска и мастики, сейчас находящаяся в иконостасе так называемой придела Акафиста справа от главного алтаря монастырского собора [Meinardus, 1971, p. 216]¹³. Она считается самой древней иконой на Афоне и, согласно преданию, является одним из семидесяти образов, написанных св. Лукой. Икона носит имя Мироблитисса (источающая мирро) или Богоматери «Акафистной». На обороте серебряного оклада (1786 г.) находится изображение Трапезундского императора Алексея Комнина (1350–1390), который подарил икону св. Дионисию, основателю монастыря Патриарх Сергий по стенам Константинополя во время аварской осады 626 г. [Actes Dionysiou, 1968, p. 26]. Образ Богоматери сильно поврежден и практически невидим. Судя по иконографии, икона могла быть написана до

¹² Об этой реликвии см.: [Carr, 2001, p. 61–68].

¹³ Описание иконы см.: [Порфирий (Успенский), 1877, с.95].

XI века, но первоначальный невысокий рельеф из воска и мастики был позже прописан. Таким образом, речь идет о ближайшей аналогии Влахернской иконы из Третьяковской галереи. Важно, что легенды обеих икон были связаны с чудесным спасением Константинополя в 626 г.

Существуют и другие менее известные воскомастичные иконы. Самая знаменитая из них – Панагия Мегаспилиотисса из монастыря Мега Спилео (Великой пещеры) в северном Пелопоннесе. Икона была упомянута в хрисовуле 1350 г. византийского императора Иоанна VI Кантакузина, в котором говорится о «почитаемом Пелопонеском монастыре моей царицы, известной под именем всечестной и пречистой Богородицы Мегаспилиотисса» [Miklosich, Müller, 1887, p. 5: 191].

Согласно сказанию, икона была сделана св. Лукой и дана правителю Ахайи Феофилу вместе с Евангелием и Деяниями апостолов. Икона была спрятана в большой пещере и была чудесно обретаена по видению девушки-пастуха св. Евфросинии, а также двух братьев Симеона и Феодора, пришедших в Ахайю из Иерусалима для обретения чудотворной иконы. Вместе с иконой они обрели в пещере другую великую реликвию – доску, на которой св. Лука написал свое Евангелие. На этом месте в 362 году братья основали монастырь, согласно преданию, древнейший в Греции.

Воскомастичная основа (45 × 45 см, 3 см толщиной) закреплена на деревянной раме с поствизантийской живописью и закрыта серебряным окладом. Икона пострадала в многочисленных пожарах, которые изменили формы лица и сделали образ абсолютно черным. При этом изображение Богоматери с младенцем осталось узнаваемым. Оно принадлежит к так называемому иконографическому типу «Взыграние», получившему распространение в конце XI в. По моему мнению, основанному на изучении иконы в 1999 г., воскомастичный образ мог быть создан в XI–XIII вв.

Три рассмотренные иконы говорят о существовании особой византийской традиции, о которой практически ничего не было известно. Она неразрывно связана с более общей практикой создания священной материи, которую можно обнаружить как в храмовой архитектуре, так и в ряде других явлений, что может и должно стать темой новых исследований.

Библиография

Многоценное сокровище. Иконы Богоматери Одигитрии Влахернской в России / Ред. С. В. Гнутова, Г. В. Сидоренко, И. М. Соколова. М., 2005.

Порфирий (Успенский). Первое путешествие в афонские монастыри в 1845 году. Киев, 1877.

Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном Павлом Алеппским. М., 1898. Вып. 3. Кн. 7.

Сидоренко Г. В. Икона «Богоматерь Влахернская» в собрании Третьяковской галереи // Россия и восточнохристианский мир: древнерусская скульптура / Ред.-сост. А. В. Рындина. М., 2003. Вып. 4. С. 67–77.

Фонкич Б. Л. Чудотворные иконы и священные реликвии христианского Востока в Москве в середине XVII в. // Очерки феодальной России / Ред. С. Н. Кистерев. М., 2001. Вып. 5. С. 70–97.

Фонкич Б. Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. М., 2003.

Ченцова В. Г. Иерусалимский протосинкелл Гавриил и его окружение: материалы к изучению греческих грамот об иконе Богоматери Влахернской // *Paleoslavica*. 2007. Vol. 15. No. 1. С. 57–136.

Actes de Dionysiou: édition diplomatique / Par N. Oikonomidès. Paris, 1968. (Archives de l'Athos, 4).

Carr F.W. Threads of Authority: The Virgin Mary's Veil in the Middle Ages // *Robes and Honor: The Medieval World of Investiture* / Ed. S. Gordon. New York, 2001. P. 60–93.

Hughes J. Votive Body Parts in Greek and Roman Religion. Cambridge, 2017.

Meinardus O. A Typological Analysis of the Traditions Pertaining to Miraculous Icons // *Wegzeichen: Festgabe zum 60. Geburtstag von Prof. Dr. Hermenegild M. Biedermann* / Hrsg. von E. Chr. Suttner und C. Patock. Würzburg, 1971. P. 201–232.

Miklosich F. and Müller J. Acta et diplomata monasteriorum et ecclesiarum orientis. Vienna, 1887.

Tognazzi I. L'iconografia e la 'Vita' delle miracolose icone della Theotokos Brefokratoussa: Blachemitissa e Odigitria // *Bollettino della Badia Greca di Grotferata*. 1986. Vol. 40. P. 215–287.



Рис. 1. Мраморная облицовка Софии Константинопольской с местами заложения реликвий



Рис. 2. Икона "Богоматерь Влахернская". VII-XVII вв. Третьяковская галерея



Рис. 3. Богоматерь Акафистная. Монастырь Дионисиу на Афоне. XI в. (?)



Рис. 4. Богоматерь Спилиотисса. XI-XIII вв. (?)
Монастырь Мега Спилио, Пелопонес

А. Ю. Лобода

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)

Пуговицы из плитовой могилы 9/2021 на плато Эски-Кермен*

В 2021 году экспедицией ИАК РАН и НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского под руководством А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой в плитовой могиле 9/2021 некрополя первой половины XIV в. перед главной базиликой на плато Эски-Кермен были найдены деформированные металлические пуговицы (Рис.1, а, б). В могиле находились останки трех погребенных – двух детей и молодой женщины. Исследуемые пуговицы находились в районе грудной клетки одного из детских костяков. Помимо пуговиц в захоронении найдены золотая проволочная серьга в виде знака вопроса с двумя жемчужинами, фрагменты бронзовой проволоки, вставка прямоугольной формы из горного хрусталя, серебряный перстень и рассыпавшаяся стеклянная бусина [Хайрединова, 2022, с. 18].

Пуговицы из могилы 9/2021 фрагментированы, одна из них состоит из двух деталей, найденных рядом (пуг. 2) (Рис.1, б, г), у второй отсутствует фрагмент металла в районе петли (пуг. 1) (Рис.1, а). Центральная часть тулова изделий декорирована пояском из трех витых сканых проволок. Вершина пуговиц украшена пирамдкой из четырех шариков зерни, помещенной в кольцо из витой проволоки. На пуговице 2 вокруг пирамидки в проволочном кольце и вокруг петли в кольце из такой же проволоки напаяны колечки из витой проволоки меньшего диаметра. Аналогичные колечки, размещенные по 4 с каждой стороны от проволочного пояска, украшали центральную часть тулова на той же пуговице (Рис.1, б, г). Целью данной работы являлось определение состава металла изделий, а также технологии их изготовления.

Для исследования элементного состава металла применялся метод неразрушающего рентгенофлуоресцентного анализа. Измерения проводились на спектрометре Mistral (Bruker)¹⁵. Особенности конструкции пуговиц детектировались оптической микроскопией на микроскопе Olympus BX51 с камерой Leica DFC420C.

Согласно проведенным исследованиям состава металла, изделия изготовлены из достаточно высокопробного серебра. Измерение металла декора пуговиц показало несколько меньшее содержание серебра, по сравнению с основным металлом изделия (Ag 66,3 - 73,0 % и 85,0 - 89,3 % соответственно). В составе также зафиксировано присутствие золота (0,3 – 2,26%), свинца (0,2 –

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №20-18-00076, <https://rscf.ru/project/20-18-00076/> Проект «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

¹⁵ Выражаю благодарность А. В. Антипенко за проведение измерений.